

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ VS ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Васильева

Аннотация. *Статья посвящена сопоставительному анализу категорий «эпистемическая модальность» и «эвиденциальность» с английскими модальными глаголами, встречающимися в медицинском научном дискурсе, с целью выявления сходств и различий между указанными категориями. В частности, в статье сделана попытка выделить категорию эвиденциальности в подвид эпистемической модальности.*

Ключевые слова: *модальность, модальные глаголы, научный дискурс, эпистемическая модальность, эвиденциальность.*

Для цитирования: *Васильева Ю.В. Эпистемическая модальность vs эвиденциальность в англоязычном научном дискурсе // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Часть 2. С. 433–440. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-433-440*

EPISTEMIC MODALITY VS EVIDENTIALITY IN THE ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE

433

Ju.V. Vasilyeva

Abstract. *The article dwells upon the comparative analysis of such categories as epistemic modality and evidentiality in constructions comprising the English modal verbs in academic medical discourse, aimed at revealing the possible similarities and differences between the two categories in question. In particular, the article attempts to separate the category of evidentiality into a subspecies of epistemic modality.*

Keywords: *modality, modal verbs, academic discourse, epistemic modality, evidentiality.*

Cite as: *Vasilyeva Ju.V. Epistemic Modality vs Evidentiality in the English Academic Discourse. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2022, No. 2, part 2, pp. 433–440. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-433-440*

© Васильева Ю.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Особое место в лингвистике занимает модальность и английские модальные модификаторы. Дело в том, что для выражения модальности в английском языке, как и в других западноевропейских языках, используется целый спектр средств, особое место в котором отводится взаимодействию грамматического, лексического и контекстуального содержания. Целью данного исследования является сопоставительный анализ двух категорий модальной логики — эпистемической модальности и эвиденциальности. Согласно мнению некоторых исследований, эвиденциальность представляет собой отдельную категорию. В данной работе мы делаем попытку привести доводы на конкретных примерах в пользу отнесения эвиденциальности к подвиду эпистемической модальности. Материалом исследования являются научные статьи, посвященные наиболее актуальной теме современности — SARS-COV-2 (COVID-19), опубликованные в научных журналах: европейском журнале “Cell” (<https://www.cell.com>), английском — “The New English Journal of Medicine” (<https://www.nejmgroup.org/>) и американском — “Science” (<https://www.sciencemag.org/>).

При выявлении первостепенного значения категории эпистемической модальности в процессе изучения научных текстов принимается во внимание такой важный фактор, как достоверность излагаемой информации, то есть фиксация знания у продуциента сообщения и последствия подобных сообщений для научного мира. В связи с этим крайне важно разграничивать понятия эпистемической модальности и эвиденциальности, которые расцениваются некоторыми исследователями как смежные или даже равнозначные в некоторых контекстах.

Сама по себе *эпистемическая* модальность (*греч.* episteme — ‘знание’)

напрямую связана с понятиями вероятности, возможности и необходимости в зависимости от наличия фактов, свидетельств или доказательств, иными словами в прямой зависимости от того, какой информацией владеет продуциент сообщения. Так, по мнению О.М. Егоровой, понятие «не-эпистемический» раскрывает отношение высказывания к действительности и находится в оппозиции к «эпистемическому» виду, который выражает оценку говорящего или пишущего к высказыванию с точки зрения реальности его содержания [1, с. 20].

В непосредственной близости к эпистемической модальности располагается понятие *эвиденциальность*, известное также в отечественном языкознании (от английского слова *evidence* — очевидность, засвидетельствованность, пересказанность). Данное понятие приобрело особую популярность после выхода в свет работы Р.О. Якобсона “Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb” («Шифтеры, глагольные категории и русский глагол») в 1957 году, в которой лингвист рассматривает эвиденциальность как отдельную грамматическую категорию, базирующуюся на событиях трех видов: событияи рассказанном (narrated event), событии речевом (speech event) и рассказанном речевом событии (narrated speech event) [2, с. 14]. Согласно мнению Р.О. Якобсона, информация, которая служит основой для выражения эвиденциальной модальности, может представлять собой широкий спектр различных перспектив: от чьего-либо сообщения, догадки, предположения до выводов, сделанных на основании предшествующего опыта или даже сновидений [там же]. В научном мире принято называть подобного рода сведения «информацией из вторых рук», ведь, как справедливо отмечает А. Мустайоки, продуциент при

экспликации эвиденциальности воспроизводимого им сообщения высказывает одновременно и факт, и сомнение в достоверности излагаемого факта [3, с. 289].

При широком рассмотрении эвиденциальность принято относить к подвиду эпистемической модальности, ее составляющей, что соответствующим образом отражено в «Словаре лингвистических терминов» (“Glossary of Linguistic terms”): эпистемическая модальность, которая сигнализирует о степени уверенности говорящего и о том количестве сведений, которые необходимы ему для экспликации пропозиции высказывания. Эвиденциальность — это эпистемическая модальность, которая представляет собой оценку говорящим сведений, которыми он располагает [4]. Таким образом, лингвистические маркеры эвиденциальности — это средства ее выражения, указывающие на тип информации-источника через призму вероятности, надежности или достоверности:

(1) *Although children and adolescents generally have milder Covid-19 than adults, severe illness can occur in this population, especially in those with underlying medical conditions. Adolescents **may play** an important role in SARS-CoV-2 transmission. Thus, their vaccination **may prevent** disease and **contribute** to herd immunity.*

Данный пример иллюстрирует гипотетический аспект знания у продуцента сообщения, полученный посредством некоторых доступных ему статистических данных. Тем не менее это позволяет ему делать определенные умозаключения в отношении исследуемой темы, прибегая к помощи оператора эпистемической модальности *may*, который способствует снижению степени уверенности автора сообщения в своем суждении.

Установление взаимоотношения между эпистемической модальностью и

эвиденциальностью исторически проблематично и подвергается серьезным дискуссиям, что с логической точки зрения не должно нас удивлять: между данными категориями существует явная логическая связь в том смысле, что эпистемические суждения концептуально базируются на каких-либо доказательствах, а любые подтверждающие данные относятся к категории эвиденциальности. Приведем пример:

(2) *VITT is a new syndrome, and without a full understanding of the pathophysiology, including why certain vascular beds are more susceptible, and with the real incidence of PF4 antibodies after vaccination in the healthy population, unknown cases **may be included** that are not true VITT or else they **may be missed** if they do not meet immediate criteria such as platelet count on admission.*

В подобного рода предположениях граница между эпистемической модальностью и эвиденциальностью пролегает на уровне сложноподчинительной связи, выражающей некое условие, которое, с одной стороны, является критически важной предпосылкой реализации сценария, заложенного в главном предложении, а с другой стороны, представляет собой некий «буфер» — параметр, который сглаживает эффект суждения с точки зрения полноценного знания об исследуемом объекте.

В соответствии с этим эвиденциальные категории, как правило, несут в себе определенную степень вероятности развития событий. Так, к примеру, когда речь заходит о показаниях с чужих слов, в контексте такого сообщения непременно проявляется эпистемическая модальность, указывающая на более низкую степень уверенности, чем, скажем, свидетельство, основанное на зрительном восприятии «своими глазами» [5, с. 11]. Тем не менее различные исследователи

по-разному трактуют взаимосвязь эпистемической и эвиденциальной модальности. Как правило, основой для отнесения концептуализируемого события к тому или иному исследуемому виду модальности является способ получения информации, источник, который трактуется разными лингвистами по-разному, но в целом его можно отнести либо к сведениям, полученных «из первых рук», либо «не из первых рук» с пометкой на отдельный подтип информации, получаемой при помощи органов чувств:

(3) *However, use in a larger population could potentially play a role in driving the selection of viral resistance, as has been seen with oseltamivir for Influenza A virus (IAV).*

(4) *The first attempt to develop a prophylactic approach to prevent respiratory syncytial virus (RSV)-induced disease in children was in 1966 and relied on the use of a formalin-inactivated vaccine. This approach failed and was even detrimental to patients, resulting in vaccine-associated enhanced respiratory disease (Kim et. Al, 1969), possibly associated with the elicitation of high levels of non-neutralizing antibodies.*

Второй пример изобилует не только количеством данных, полученных опытным путем, но и ссылкой на первоисточник, что не придает автору данного сообщения полной уверенности в достоверности подобного утверждения и приводит его к выбору в пользу сентенциального наречия *possibly*.

Дж. Байби и Ф. Палмер включают эвиденциальность в категорию эпистемической модальности [6, с. 270; 7, с. 89]. К. Хенгевельд косвенно связывает эвиденциальность и эпистемическую модальность в одну субкатегорию, которая, по мнению автора, носит название *эпистемологическая модальность* [8, с. 57]. Дж. Нойтс предпочитает относить

эвиденциальность к отдельной категории, получившей название *оценочная категория* (vs модальная) [5, с. 12].

М. Фаллер отводит эвиденциальность в отдельную категорию, которую ограничивает до понятия лингвистического маркера, описывающего характер источника информации, который служит основой для продуцирования некоего утверждения [9, с. 2]. Как отмечает исследователь, основными субкатегориями эвиденциальности выступают прямое и косвенное доказательство. По определению Т. Уиллета, к косвенным доказательствам следует отнести так называемую информацию «из вторых рук», то есть сведения, полученные с помощью информации от третьих лиц, а также инференцию [10, с. 72]. Контрастирующая категория эпистемической модальности в данном смысле маркирует степень уверенности продуцирующего сообщения и/или возможность/необходимость истины, которую несет в себе пропозиция. М. Фаллер указывает, что концептуально две сравниваемые категории являются, очевидно, разными, хотя и близкородственными: характер сведений, которым владеет продуцент сообщения, всегда будет определять степень уверенности в пропозициональной части его высказывания [9, с. 2].

Рассматривая возможные источники информации, закладывающие основу категории эвиденциальности, следует выделить понятие инференции, которая представляет собой «гораздо более весомое доказательство, нежели информация, принятая на слух или опытным путем» [11, с. 409; 5, с. 19]. Дж. ван дер Аувера и В.А. Плунгян даже включают признак инференции в понятие эпистемической модальности, но исключают, однако, все прочие признаки эвиденциальности из какой-либо принадлежности к категории модальности [12, с. 121]. Рассмотрим таблицу.

Таблица

Инференциальная эвиденциальность = эпистемическая необходимость

Необходимость				
...	Деонтическая необходимость	Эпистемическая необходимость = Инференциальная эвиденциальность	«Цитируемая» эвиденциальность	...
Эвиденциальность				

Под инференцией Е.С. Кубрякова понимает «получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение», что представляет собой «одну из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [13, с. 33].

Инференция (в частности, обоснованная) обладает по меньшей мере одним смежным свойством с эпистемической модальностью, которого лишены все иные подвиды эвиденциальности — это градация степеней надежности или достоверности. Так, по мнению Дж. Нойтса, существуют сильные формы (*clearly, obviously, logical*), умеренные (средние) формы (*appear, plausible, presumably*) и слабые формы выражения уверенности в истинности пропозиции (*seem*) [5, с. 11]. Действительно, подобные степени выражения достоверности излагаемого материала не могут быть соотнесены с информацией, полученной посредством устного восприятия (см. выше «из вторых рук») или даже практических сведений, приобретенных опытным путем (такого рода сведения, согласно мнению Т. Уиллета, имеют свою классификацию, основанную на разделении различных органов чувств — проводников репродуцируемых данных: визуальных, акустических, тактильных и т. д.) [10, с. 73]. Даже несмотря

на то, что степень уверенности подобных маркеров эвиденциальности может варьироваться в зависимости от способа получаемой информации (информация «из вторых рук» обычно воспринимается как менее достоверная, в то время как цитирование источника, как правило, придает стопроцентную уверенность в истинности репродуцируемых данных), они не могут коррелировать с маркерами инференции с точки зрения их семантической нагрузки. Таким образом, инференция относится к эпистемической модальности. Рассмотрим примеры:

(5) *However, use in a larger population could potentially play a role in driving the selection of viral resistance, as has been seen with oseltamivir for Influenza A virus (IAV).*

(6) *Another highly potent RSV mAb (nirsevimab) harboring an Fc fragment engineered for half-life extension recently showed a 78% reduction in hospitalization in pre-term infants in a phase 2b study (Griffin et al., 2020; Zhu et al., 2017). Its (nirsevimab) success may revolutionize the prophylactic use of mAbs to a very large population, possibly reducing RSV-associated mortality and hospitalization globally.*

Оба приведенных выше примера демонстрируют наличие эвиденциальных признаков: в первом примере речь идет о визуальном проводнике данных, полученных опытным путем, т. е. «своими глазами», а во втором случае перед нами

предстает развернутая картина информации, полученной из «первых рук», так как автор статьи ссылается на непосредственные первоисточники. В отношении используемых маркеров эвиденциальности следует отметить, что первое предложение является примером слабой эпистемической модальности, выраженной модальным оператором *could*, а второе предложение характеризуется большей степенью уверенности в достоверности излагаемой информации, в котором автор оперирует модальным глаголом *may*. Напомним, что, согласно наиболее распространенному в наше время мнению, которое изначально было выражено Дж. Коутс, модальные глаголы *may* и *might* выражают идентичную, то есть одинаковую степень уверенности автора в излагаемой информации, а потребность снизить вероятность прогнозируемых событий реализуется при помощи *could* [14, с. 152].

Согласно мнению А. Папафрагу, который указывает на тесную взаимосвязь между английскими модальными глаголами и категорией релевантности, необходимо провести границу между вкладом, который вносит лингвистически кодируемая информация, и ролью, отведенной инференциальным процессам в деривации контекстуальных интерпретаций лексических форм [15, с. 8]. Ученый подчеркивает важность интенциональных импликаций, то есть различных представлений, которые складываются у реципиента сообщения во время его личной интерпретации сообщения, в котором основная информация выражена за счет прагматики, то есть грамматики, но конечное умозаключение у адресата формируется в совокупности всех факторов, включая инференцию [там же]. Рассмотрим пример:

(7) *However, the incidence could have been higher, because the patients probably*

presented before the condition was recognized, other cases may not have been reported to us, and some cases may have been misclassified.

Изобилующее модальными маркерами данное предложение способно четко разграничить оттенки модальных значений и степень уверенности автора сообщения в каждой из излагаемых частей именно благодаря лингвистически кодируемым данным, что подчеркивает важность интенциональных импликаций, характерных для эпистемической модальности.

Проблема корреляции эпистемической модальности и эвиденциальности не может быть сведена к опоре на широкий коммуникативный контекст, но должна принимать во внимание также прагматический аспект. Вышеупомянутый фактор инференции призван помочь реципиенту сообщения извлечь смысл из ситуативно изменчивого контекста с учетом интенции продуцента этого сообщения, его целей и предпочтений (в когнитивный механизм инференции входит широкий спектр возможных операций: от генерализации и аналогии до компрессии и фокусирования) [16, с. 6]. Иными словами, если автор отдает предпочтение операторам эпистемической модальности в процессе создания сообщения, подобный выбор по умолчанию подразумевает невысокую степень его уверенности в достоверности излагаемой информации даже при наличии ссылки на какие-либо первоисточники:

(8) *The first attempt to develop a prophylactic approach to prevent respiratory syncytial virus (RSV)-induced disease in children was in 1966 and relied on the use of a formalin-inactivated vaccine. This approach failed and was even detrimental to patients, resulting in vaccine-associated enhanced respiratory disease (Kim et. Al, 1969), possibly associated with the*

elicitation of high levels of non-neutralizing antibodies.

Таким образом, мы видим, что большинство лингвистов указывает на важность рассмотрения категорий «эпистемическая модальность» и «эвиденциальность» нераздельно друг от друга. Данные

категории взаимозависимы, ведь, как справедливо отмечает Ф. Кифер, именно знания говорящего позволяют ему производить сообщение и делать выводы касательно обоснованности подобного высказывания в случае актуализации эпистемической модальности [17, с. 59].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Егорова, О.М.* Модальные глаголы немецкого как грамматические прецедентные единицы: монография / под науч. ред. Н.А. Голубевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с.
2. *Jakobson, R.* Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957. P. 14–16.
3. *Мустайоки, А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
4. Glossary of Linguistic Terms. What is Epistemic Modality? URL: <http://www.01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/WhatIsEpistemicModality.htm> (дата обращения: 19.01.2022).
5. *Nuyts, J.* Modality: Overview and Linguistic Issues. The Expression of Modality. Mouton de Gruyter, Berlin/New York, 2005. P. 1–26.
6. *Bybee, J., Fleischman, S. (eds.)* Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. 575 p.
7. *Palmer, F.R.* Modality and the English Modals. London and New York: Longman, 1979. 196 p.
8. *Hengeveld, K.* Clause Structure and Modality in Functional Grammar. Ins and Outs of the Predication. Dordrecht: Foris, 1987. P. 53–66.
9. *Faller, M.* Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface. Manchester: The University of Manchester, 2006. 33 p.
10. *Willet, T.* A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality. Studies in Language. 1988. Vol. 12. Iss. 1. P. 51–97.
11. *Palmer, F.R.* Mood and Modality. Cambridge: University Press, 2001. 236 p.
12. *Auwera van der J., Plungian, V.A.* Modality's Semantic Map. Linguistic Typology. Т. 2. No. 1. 1998. P. 79–124.
13. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкратц, Л.Г. Лузина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.
14. *Coates, J.* The Semantics of the Modal Auxiliaries. London: Croom Helm, 1983. 259 p.
15. *Papafragou, A.* Modality: issues in the semantics-pragmatics interface (Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface 6). Amsterdam: Elsevier, 2000. 238 p.
16. *Одинцова, И.В.* Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 91–96.
17. *Kiefer, F.* Focus and Modality. Groninger Arbeitenzur Germanistischen Linguistik. 1984. Vol. 24. P. 55–81.

REFERENCES

1. Egorova, O.M. *Modalnye glagoly nemeckogo kak grammaticheskie precedentnye edinicy: monografiya* [Modal Verbs of German as Grammatical Precedent Units: Monograph], ed. by N.A. Golubeva. N. Novgorod, 2016, 189 p. (in Russ.)
2. Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb*. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1957, pp.14–16.
3. Mustayoki A. *Teoriya funkcionalnogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [The Theory of Functional Syntax: From the Semantic Structures to the Language Means]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2006, 512 p. (in Russ.)
4. *Glossary of Linguistic Terms. What is Epistemic Modality?* Available at: <http://www.01.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/WhatIsEpistemicModality.htm> (accessed: 19.01.2022).
5. Nuyts, J. *Modality: Overview and Linguistic Issues. The Expression of Modality*. Mouton de Gruyter, Berlin/New York, 2005, pp. 1–26.
6. Bybee, J., Fleischman, S. (eds.) *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1995, 575 p.
7. Palmer, F.R. *Modality and the English Modals*. London and New York, Longman, 1979, 196 p.
8. Hengeveld, K. *Clause Structure and Modality in Functional Grammar. Ins and Outs of the Predication*. Dordrecht, Foris, 1987, pp. 53–66.
9. Faller, M. *Evidentiality and Epistemic Modality at the Semantics/Pragmatics Interface*. Manchester, The University of Manchester, 2006, 33 p.
10. Willet, T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality, *Studies in Language*, 1988, vol. 12, iss. 1, pp. 51–97.
11. Palmer, F.R. *Mood and Modality*. Cambridge, University Press, 2001, 236 p.
12. Auwera van der J., Plungian, V.A. Modality's Semantic Map. *Linguistic Typology*, vol. 2, No. 1, 1998, pp. 79–124.
13. Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z., Pankratc, Yu.G., Luzina, L.G. *Kratkij slovar kognitivnyh terminov* [Brief Dictionary of the Cognitive Terms]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1996, 245 p. (in Russ.)
14. Coates, J. *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. London, Croom Helm, 1983, 259 p.
15. Papafragou, A. *Modality: issues in the semantics-pragmatics interface (Current Research in the Semantics/Pragmatics Interface 6)*. Amsterdam, Elsevier, 2000, 238 p.
16. Odincova, I.V. *Implikacija i inferenciya v lingvodidaktike* [Implication and Inference in Linguodidactics], *Mir russkogo slova = The World of the Russian Word*, 2016, No. 4, pp. 91–96. (in Russ.)
17. Kiefer, F. Focus and Modality. *Groninger Arbeitenzur Germanistischen Linguistik*, 1984, vol. 24, pp. 55–81.

Васильева Юлия Владимировна, аспирант, Высшая школа перевода, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Julia_vasilyeva@icloud.com

Julia V. Vasilyeva, Postgraduate Student, Higher School of Translation, Lomonosov Moscow State University, Julia_vasilyeva@icloud.com

Статья поступила в редакцию 03.12.21 Принята к публикации 30.12.2021

The paper was submitted 03.12.2021. Accepted for publication 30.12.2021